

ИГУМЕН ГЕННАДИЙ (ЭЙКАЛОВИЧ)

БЕСЕДА ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ

Сан Франциско
1981

ИГУМЕН ГЕННАДИЙ (ЭЙКАЛОВИЧ)

БЕСЕДА ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ

Сан Франциско
1981

COPYRIGHT BY THE AUTOR

Склад издания:

**George Benigni P. O. Box 78. Carmel Valley,
CA 93924 U.S.A.**

Беседа об антисемитизме

— Темой сегодняшнего семинара, господа, будет проблема антисемитизма! Хотелось бы взглянуть под современным углом зрения на это старое и трагичное явление и рассмотреть его, по мере возможности, с позиции христианской этики. И, чтобы не ходить избитыми тропами, предлагаю ссылаться только на еврейских писателей; комментировать же их, конечно, каждый сможет так, как захочет. Иначе невозможно было бы втиснуть огромный материал, трактующий об этом, в рамки сравнительно краткой дискуссии. Итак, кто первый захочет высказаться на эту злободневную тему?

— Извольте! Начну с того, что отмечу не «злободневность» этой темы, а ее «злобоэонность», если дозволено будет так выразиться, ибо реальность, называемая «антисемитизмом» стара как наш иудео-греко-римский эон, легший в основу нашей западноевропейской цивилизации, закат которого, судя по всем признакам, нам приходится наблюдать в настоящее время.

— Пусть будет так! М. б. методологически было бы правильным начать с дефиниции самого понятия?

— Я недавно встретил английский неологизм «антиджуэнэсс», вероятно, это то же самое?

— По-русски это было бы «противоеврейство», но у нас имеются выражения: «противоеврейские настроения», «юдофобия», сиречь «евреененавистничество»: это все — синонимы.

— Предлагаю заглянуть в словарь Даля... вот... как странно! У Даля этого слова нет! Ну, заглянем тогда в словарь Ожегова... вот, слушайте:

«Антисемитизм — враждебное, ненавистническое отношение к евреям, искусственно создаваемое буржуазией в своих классовых интересах.

Вот так здорово! Значит в бесклассовом коммунистическом СССР антисемитизм не существует! Ха, ха, ха! Ну и уморили!

— Да, действительно! Это парадокс вроде того, как еврея А. Суконика за его статью «Мой консультант Болотин» евреи же назвали антисемитом!

— Или еще такой парадокс: арабы, ведь — семиты? Семиты! И в большинстве, подавляющем большинстве они — антисемиты!!! Это ли не «контрадикция инадъекто»?

— А я предлагаю отложить построение дефиниции на позже, когда мы рассмотрим различные варианты антисемитизма и причин, вызывающих это явление?!

— Согласны! Только с чего же мы начнем?

— Я еврейским вопросом интересуюсь уже давно... Но вот сравнительно недавно в русских журналах появились полемические статьи в связи с обвинением А. Солженицына в антисемитизме. Обвинения эти выдвинули такие еврейские публицисты, как М. Гробман и Л. Бенда. Читали ли вы их статьи? Если нет, то прочти-те обязательно.¹⁾

— Я лично их не читал, но содержание их мне знакомо из статьи Р. Рутмана в «Новом Журнале».²⁾ Мне статья эта очень понравилась, я вполне разделяю точку зрения ее автора.

— Знаю, знаю! Многим евреям эта статья не пришлась по вкусу, но... что поделать? На всякий чох не наздравствуешься, на всякий «ох!» — не наахаешься! Но некоторые еврейские писатели поддержали Рутмана прямо или косвенно; я имею в виду, напр., М. Агурского, Г. Свирского, да и редакция журнала «Время и мы» высказалась в пользу этой точки зрения, хотя и в иной связи, правда...³⁾

— В какой именно?

— Да, собственно говоря, в той же, солженицынской, но по поводу уже другой статьи, Марка Переаха. Если Гробман поставил проблему грубовато, то Марк Переах подошел к ней очень тонко... он взял ткань солженицынского творчества под интеллектуально-психологический микроскоп, так сказать, и усмотрел в ней потенциальные или скрыто-интенциональные антисемитические узоры.

— Я тоже читал статью Переаха и у меня создалось впечатление, что это уже не психологическая тонкость, а просто психопатологическая подозрительность, нечто такое... столь рафинированное, что уже граничащее с маниакальностью!

— Да, вот, если хотите, я прочту для тех, кто этой

статьи не читал: соответственные материалы у меня под рукой... так вот, слушайте, что он пишет:

«Проще всего выяснить присутствие прямого, грубого, откровенного неприятия евреев и еврейства. Сложнее выявить антисемитизм замаскированный, утонченный, изощренный. Формы его многообразны. И, наконец,最难的 to разобраться в том случае, когда автор художественных произведений по убеждению как будто вовсе не антисемит и искренне уверен в своем объективном (а иногда и повышенно добродетельном) отношении к евреям и еврейству, но подсознательно, в системе образов, в отборе деталей, которые он извлекает из действительности, — выдает скрытые антисемитские эмоции». ⁴⁾

Хотя Перах и делает кое-где оговорки (на мой взгляд, плохо согласующиеся с его основной тенденцией), но тем не менее он дальше отмечает, что Солженицын в книге «Один день Ивана Денисовича» не выделяет «в потоке эзиков отдельного еврейского ручейка», что, производя предвзятую «селекцию образов», часто умалчивает об евреях вообще и, в частности, греша против закона литературной правдоподобности, не употребляет слова «жид», тогда как на самом деле слово это бытует в лагерном жаргоне не только в качестве имени собственного, но и нарицательного. Таким образом Солженицын, по мнению Пераха, сознательно обеляет Ивана Денисовича, а вместе с ним и русский народ, заранее, перед лицом **возможного** упрека в антисемитизме.

— Но ведь Пераху должно быть известно, что в прошлые времена за слово «жид» ссылали в лагеря или прибавляли сроку!

— И больше того! на 8-ом Всероссийском Съезде Советов Молотов потребовал, чтобы антисемитизм карался смертью ⁵⁾... и следует упомянуть, что в первые пореволюционные годы антисемиты считались «врагами народа» и иногда расстреливались органами ЧЕКА без всякого суда.

— Кстати, мне кажется что Рутман неправ, считая, что слово «жид» является «исконно польско-русским погромным именем». Ведь раньше и слова-то другого не было. «Еврей» было введено сравнительно недавно и только в русском языке, по-польски же или по-украински существует только «жид». В русском языке оно встречается уже на заре нашей письменности, в Несторовой летописи; в эпосном фольклоре существовало

слово «жидовин»; да и ересь-то была «жидовствующих», а не «еврействовавших»!

— Да, «еврей» — это слово интеллигентское. Простой народ всегда говорил «жид». Но это же самое слово теперь в устах интеллигента действительно звучит нарочито грубо.

— Тот же Рутман утверждает, что в СССР и слово «еврей» со временем стало несколько зазорным, приобрело некий «неблагородный оттенок» и стало заменяться выражением «из наших», и что лишь после «Шестидневной войны», всколыхнувшей патриотические чувства, советские евреи, принявшие в свое время русские псевдонимы, припомнили, что «их природное имя — Меерович или Финкельштейн».⁶⁾

— Ну, не все, среди эмигрантов из СССР имеется сколько угодно евреев, не отказавшихся от русских «псевдонимов» и заграницей. У евреев мода на русскую псевдонимию имела, между прочим, и практический характер этнической мимикрии.

— А разве среди самих русских, попавших волею судеб, скажем, в США, не замечается тяга к американизации, по тем или иным причинам, своих фамилий?

— Да, бывает и так, но я лично эту практику не одобряю, разве что в случае неприличных или смешных фамилий. Но я знаю много случаев и «реевреизации», так сказать, фамилий, особенно среди иммигрантов в Израиль. Так ведь было и с Голдой Меир! Это — исторически осмысленно и патриотично.

— Но вернемся к Пераху. Так вот, слово «жид» он считает признаком антисемитизма, а отсутствие его у Солженицына — симптомом скрытого антисемитизма!

— Получается и так плохо, и так нехорошо. Такое отношение свидетельствует, несомненно, о национальной сверхчувствительности и сверхподозрительности... но, у кого натерт мозоль, тот чувствует каждое, даже легкое прикосновение к нему и даже страдает от одной мысли о возможном прикосновении.

— А некоторые евреи, будучи столь щепетильными в отношении к своей национальности, русскую национальность видят в кривом зеркале. Тот же Л. Бенда, определяя Солженицына как приверженца старой России, вернее — Святой Руси, говорит, что поэтому Солженицын должен быть антисемитом... Подобную позицию занимают, напр., такие писатели, как Померанц,

Горский, Телегин, Алтаев... с мыслями их мы ознакомились, читая их статьи в «Вестнике Р.Х.Д.».

— Что говорить о них... ведь подобно мыслили, в какой-то степени, и такие русские философы, как кн. Е. Н. Трубецкой или Н. Бердяев. Последний в статье «Национализм и антисемитизм перед судом христианского сознания» писал, что «во имя русского самосознания, во имя русского мессианизма, во имя идеи и задачи России нужно непримиримо бороться с национализмом и националистами». Хорош русский мессианизм вне русского национального сознания! Бердяев даже писал, что он не может быть националистом потому, что он «сын Церкви Христовой» и что самая распространенная форма национализма — это «бытовой антисемитизм»⁷⁾

— Ну, а как же он утверждал в другом месте, что «в самом элементарном инстинктивном национальном эгоизме есть больше жизненной правды, чем в вашем интернационализме»?⁸⁾

— Бердяев часто бывал непоследовательным. Да к тому и самого же Бердяева упрекали в антисемитизме... но к этому мы придем позже.

— Но ведь и среди евреев встречаются антинационалисты, не правда ли?

— Да, это по преимуществу евреи-коммунисты, да и то не все; многие из них как-то умудряются сочетать интернационалистические идеалы с пытетом к собственной нации. Этого нельзя сказать о сотрудниках пресловутой «Евсекции», основательно потрудившейся над искоренением национального духа среди русских евреев.

— Как это ни парадоксально звучит, но многие евреи исповедуют «интернациональный национализм», т. е. интернационализм «ад экстра», и национализм «ад интра», или, еще иными словами, интернационализм для других и национализм для самих себя.

— Ведь для евреев еврейский народ есть НАРОД по преимуществу, избранный Богом народ, все же иные нации принадлежат иному миру, часто враждебному. Можно сказать, что в их понимании человечество делится на евреев и «гоев», нечто вроде того, как для культурного грека поздней эпохи мир делился на эллинов и варваров... Этим сознанием евреи «запрограммированы» издавна и это, возможно, позволило им сохранить их национальную особенность и обособленность в двухтысячелетнем рассеянии.

— Думается, что естественный национальный эгоизм велел евреям в любом ином национализме усматривать конкурента на поприще борьбы за существование. Нооцроя интернационализм и космополитизм среди иных народностей, евреи сознательно или м. б. интуитивно стремились к созданию такого этнически-гомогенизированного моря, в котором израильская ладья легче могла бы держать свой курс.

— Кроме того, евреи не без основания опасаются, что любой чужой национализм может легко соскользнуть в то, что с времен Гитлера называется нацизмом, а что это значит — всем известно! Прот. Сергей Булгаков, напр., считал, что германский нацизм, будучи подменой и искажением ветхозаветного национального мессианизма, потому так и ненавидел евреев, что сам хотел занять место «избранного народа» во главе со своим «мессией-фюрером».

— Однако оказалось, что интернациональный коммунизм, как злой джин, выпущенный из бутылки, оказался губительным для всякого национализма, включая и еврейский.

— Даже Юлий Марголин, сионист и еврейский историк, не особенно жаловавший дореволюционную Россию, признал, что «костер еврейской культуры, горевший ярко в царской России, несмотря на все преследования, теперь залит водой и затоптан».)

— Национализм национализму рознь, нельзя их всех подводить под одну мерку. Но, уважая свой национализм, мы должны уважать и любовь к своей нации и каждого иного народа, включая и еврейский. Поэтому — я отношусь к сионизму положительно.

— Кстати, как и когда возник этот термин?

— Гора Сион, на которой был построен иерусалимский Храм, всегда считалась символом еврейского единства, особенно же после утраты государственной независимости Израиля. Тоска по утраченной родине выражалась в «скорби о Сионе» и в мечте о «возвращении на Сион». Сам же термин «сионизм» возник из движения «Ховевей-Цион» сто лет тому назад приблизительно. Официальной колыбелью сионизма, как такого, следовало бы считать 1-й Конгресс Сионистов, созданный по инициативе известного Теодора Герцеля в Базеле, в 1897 году.

— Отметим, что сионизм иногда смешивают с еврейским мессианизмом, что не совсем правильно. На

мой взгляд, сионизм представляет собой секуляризованный вариант мессианизма. Сионистом может быть и еврей-атеист, тогда как мессианистом — только верующий. Если сионизм можно легко определить как еврейский патриотизм, то еврейский мессианизм требует более широкого толкования.

— Как же вы определяете еврейский мессианизм?

— Я считаю, что еврейским мессианизмом следует называть такую религиозно-патриотическую установку, в которой присутствуют следующие элементы: вера в то, что Бог избрал еврейский народ в качестве преемника и глашатая Его Откровения человечеству, имеющего целью спасение в первую очередь Израиля, а затем и других народов в результате их веры в Него и исполнения Его воли; уверенность в том, что в награду за верность Богу и послушание Его гласу еврейский народ будет постоянно находиться под божественной опекой; надежда на то, что утеря государственной независимости и все те исторические бедствия, которые Израилю пришлось перетерпевать в рассеянии, являются лишь времененным наказанием за грехи и исполняют промыслительную педагогическую роль, и что по истечении определенных, но людям неведомых сроков израильский народ возродится на Святой Земле с центром в Сионе-Иерусалиме со всеми правами и привилегиями избранного народа Божьего; что это восстановление будет связано с появлением национального героя-вождя из царского дома Давида, Мессии; убежденность в том, что для осуществления божественных обетований от Израиля требуется неукоснительная вера, исполнение Закона и национальная, кровная солидарность всех членов народа, где и когда они ни пребывали бы...

— Это довольно длинное определение, но мне кажется, что оно заключает все существенные признаки этого понятия. Возможны, конечно, дальнейшие уточнения, сужения или расширения его... Некоторые мессианисты-шовинисты мечтают о господстве Израиля над иными народами, во исполнение некоторых пророчеств, но я об этом вспоминаю только так, походя, ибо таких ведь право, не много.

— Конечно, такой узко-националистический мессианизм имеет уже характер расизма, и в качестве такого встречает много конкурентов на поле чаемого и взыскиемого «господствования», а также вызывает враждебные реакции.

— Вы сказали в начале нашей беседы, что антисемитизм — это явление почти двухтысячелетней давности. Не преувеличиваете ли вы?

— Нисколько! Могу сослаться на книгу Соломона Лурье, профессора древней истории в 1-м Высшем педагогическом институте, основанном в первые годы после революции. Книга эта, озаглавленная «Антисемитизм в древнем мире», вышла в издательстве «Былое» в 1922 году. У меня нет оригинала, но я пользуюсь текстом, перепечатанным в книге Андрея Дикого, «Евреи в России и СССР», вышедшей в Нью-Йорке в 1967 году. Соломон Лурье, еврей, сам серьезный ученый и ссылается он на солидные источники греко-римского происхождения, а также на ряд немецких авторов, принадлежавших к миру исторической науки прошлого и начавшегося этого столетия.

— Как же объясняет явление антисемитизма Лурье?

— Сперва — некоторое теоретическое рассуждение, на основании которого можно будет провести соответственную аналогию. Если вы проанализируете ряд родственных или схожих явлений, возникавших в разное время и в различных местах, и убедитесь, что некоторые элементы этих явлений выступают случайно, другие же всегда в них присутствуют, то вы логично сможете заключить, что эти вторые являются существенными, эссециональными, так сказать, а не акцидентальными, для данного явления элементами. И наличие их можно считать если и не деепричиной, то во всяком случае материальной причиной этого явления. Перенесем теперь эту констатацию в область антисемитизма и мы увидим... но, нет, лучше я процитирую самого Лурье:

«...объяснить античный антисемитизм какими-либо временными причинами или причинами, лежащими вне самих евреев, совершенно невозможно. Если везде, где только ни появляются евреи, тотчас вспыхивает и антисемитизм (Момзен, Рим. Ист. V, 519) и если антисемитизм есть совершенно «своеобразное явление», не имеющее никаких параллелей в отношении греков и римлян к другим национальным группам (Вилькен, «К Алекс. антисемитизму», 783), то, очевидно, следует искать причину антисемитизма в самих евреях. Это ясно для большинства ученых; но так как антисемитизм до сих пор остается злой дня, боевым вопросом, то вполне естественно, что такое объяснение антисемитизма получает оценочный привкус; ученые не довольствуются констатированием того, что евреи в тех или иных отно-

шениях разнятся от всего остального мира, но еще находят нужным объяснить антисемитизм тем, что евреи либо много хуже, либо много лучше своих соседей». ¹⁰⁾

— Евреи действительно обладают качествами, выделяющими их среди иных народов, ибо — в среднем — они ловчее, способнее, талантливее, напористее, упорнее и терпеливые других. Во многих это вызывает зависть, вражду...

— Ну, а что пишет об этом Лурье?

«Действительно, — пишет он, — чуть ли не каждый исследователь выдвинул особое объяснение происхождения антисемитизма: одни видят причину антисемитизма в том, что евреи — выше окружающей их среды, это народ бескорыстных идеалистов и апостолов (М. Фридлендер), другие, наоборот, в том, что евреи в нравственном отношении ниже окружающей их среды они корыстолюбивы и кровожадны (Ф. Штегелин), это — народ ростовщиков (В. Зомбарт), для одних — все дело в том, что евреи проникнуты партикуляризмом, они отделяют себя китайской стеной от окружающих (Э. Шюрер), другие, наоборот, видят историческую ошибку евреев в том, что они слишком охотно проникались чуждой культурой (И. Фрейденталь), одни пытаются делить еврейство древности на два обособленных и враждующих между собой течения и считают, что только одно из этих течений — узко-националистическое — породило антисемитизм (А. Бертолет), другие, наоборот, видят в еврействе древности одну тесно сплоченную семью и объясняют антисемитизм именно этой сплоченностью (Т. Моммзен), одни видят причину антисемитизма в необыкновенном своеобразии и иррациональности еврейского национального характера, представляющего собой тесное соединение крайних противоположностей (Эд. Мейер), другие, наоборот, объясняют антисемитизм более или менее случайными причинами временного характера — религиозными, экономическими, политическими и т. д. — и считают, что еврейского народа не существует, а есть только граждане различных национальностей, исповедующие иудейскую религию (Т. Рейнак).

— Да, это целый калейдоскоп мнений, часто взаимопротиворечивых. А что же об этом думает сам Лурье?

— Он утверждает, что «постоянной причиной, вызывающей антисемитизм (...), была та особенность еврейского народа, вследствии которой он, не имея ни своей территории, ни своего языка и будучи разбросанным по всему миру, тем не менее (принимая живейшее участие в жизни новой родины и отнюдь ни от кого не обособляясь), оставался национально-государственным организмом». Это выработало особый облик евреев, который Лурье характеризует следующим образом:

«Наконец, постоянная борьба с преследованиями выработала ряд своеобразных черт еврейского приспособления в борьбе за существование. Это, во-первых, тесная сплоченность и взаимопомощь в жизненной борьбе, во-вторых, необычайное упорство в достижении поставленной жизненной цели, сопровождающееся много большей тратой энергии, чем обыкновенно, так как еврею, кроме обычных препятствий, приходилось преодолевать еще специфическую враждебность к евреям, и, в-третьих, своеобразное отношение к местному закону и государственности. Это отношение явилось результатом «двойного подданства» евреев, необходимости соблюдать часто взаимно противоречащие моральные требования еврейского и местного закона и, как мы видели выше, может быть охарактеризовано так:

1. Местный закон необходимо строго соблюдать, но лишь поскольку он не противоречит еще живущим в народном правосознании положениям еврейского закона и поскольку его соблюдение не связано с вредом для еврейского народа. Таким образом, законов, прямо или косвенно направленных против евреев, во всяком случае соблюдать не следует.

2. Необходимо быть строго-лояльным по отношению к государству, благосклонно относящемуся к евреям. При борьбе двух государств или двух партий внутри государства надо симпатизировать и по возможности содействовать стороне, более сочувственно относящейся к евреям».

Это — интересная формулировка и с ней нельзя не согласиться. Еврейский народ обладает действительно большими способностями и навыком в области жизненного соревнования с другими. Он в любых условиях, сознательно или подсознательно, стремится возобладать такими профессиями, которые, с одной стороны, не грозят физической опасностью, с другой же, при минимальной сравнительно затрате энергии приносят максимальный результат. Иными словами, они стремятся овладевать высокопродуктивными профессиями. Еврея можно было бы назвать «хомо экономикус» по преимуществу. Они очень успешно проникают в такие области, которые можно было назвать жизненными артериями данного общества... это... финансы, медицина, пресса, юриспруденции, высококвалифицированные ремесла, не говоря уже о коммерции и бизнесе вообще.

— Тот же Лурье подчеркивает, что когда в данном государстве приходит к власти партия, не практикующая юдофобской политики, тогда у евреев остается «столько свободной энергии, прежде тратившейся на борьбу со специально антиеврейскими препятствиями, что часто, продолжая по инерции борьбу с прежней

напряженностью, они выдвигались более, чем, пожалуй, сами того желали». Так было в Вавилоне, в Египте, в рассеянии средиземноморского бассейна, да и, пожалуй, в Европе и США, не говоря уже о послереволюционных годах в СССР, где они заняли, в среднем, около 80% мест в высшем административном аппарате.

— Еврейский народ, надо признать, весьма «терр-а-терристичный», простите за варваризм! Его энергия направлена преимущественно на материальные ценности или, во всяком случае, на имманентные. Правда, и в иных областях значатся прославленные еврейские имена — в музыке, в литературе, даже в философии, но их уже не так много, если принять во внимание высокий средний уровень, средний потенциал, так сказать всего народа.

— Ну, об этом можно было бы еще поспорить! Если можно было бы изобрести такой компьютер, который подсчитал бы, сколько незаурядных личностей вышло из еврейского народа на протяжении его истории, то оказалось бы, что соответственный коэффициент, т. е. процентное отношение к остальной массе евреев, был бы весьма высок.

— В упомянутом выше номере «Время и мы» напечатана интересная статья еврейского социолога и футуролога Зеева Каца. Он утверждает, что согласно последним статистическим данным, от 80 до 90 процентов евреев в США имеет высшее образование, а в СССР около 70% еврейской молодежи заканчивает университеты и институты, правда — по большей части провинциальные, ведь в столичных введены процентные нормы.

— Я помню, что некий Давид Бург писал в свое время, что главное поле деятельности евреев в СССР — это умственная работа.¹¹⁾

— Так вот, Зеев Кац пишет...: «Получив свободу передвижения, евреи в силу особых исторических, социальных и генетических причин сильно преуспели, я бы даже сказал, слишком преуспели». И в этом стихийном продвижении вперед и наверх в этнически чуждых странах он усматривает даже угрозу, опасность новой катастрофы или катастроф в результате этнической конкуренции.

— Как же, как же... вот, я могу вам прочитать его слова... Вот:

«Возникает вопрос, — пишет Кац, — кому предстоит стать интеллектуальной элитой постиндустриального общества — евреям или населению, составляющему абсолютное этническое большинство в той или иной стране? Вряд ли это этническое большинство согласится на то (...), чтобы евреи оставались руководителями ведущих научных центров в тех странах, где по численности они составляют ничтожный или сравнительно ничтожный процент. А ведь именно так выглядит картина сегодня». ¹²⁾

— Да, положение серьезное и трудноразрешимое. Вспоминаются мне библейские слова: «В тот день я сделаю князей Иудиных — как жаровню с огнем между дровами и как пылающий факел среди снопов...» (Зах. 12, 6).

— Так было почти всегда с евреями, разве что автохтоны данной страны сумели оградить себя, т. е. ограничить экспансию евреев путем законодательства и регламентаций и общественной дискриминации...

— Но ведь это несправедливо, сами-то эти автохтоны, ущемляя в правах евреев в личном порядке, охотно пользовались плодами их просвещения и умения?

— Возможно, что выход будет найден в ассимиляции евреев? При практике двойного гражданства, как это ныне иногда случается... нет, нет, — я это в прямом смысле, без иронии — и при общих демократических и космополитических тенденциях в современном мире, может быть, вопрос о еврейской «гегемонии» и не возникает?

— В том-то и дело, что такие тенденции не проявляются повсеместно и однообразно. Пора освободиться от иллюзий девятнадцатого века, что развитие человечества совершается в порядке закономерной эволюции. Мы сами были свидетелями того, как **вдруг** взрывались идеологические революции и сметали на своем пути всяческие прекраснодушные чаяния. Это хорошо отметил в свое время Достоевский и Соловьев, особенно в «Трех разговорах»...

— Но... смешно же требовать от евреев, чтобы они, ввиду возможной опасности, перестали учиться или преуспевать?

— Конечно... потому мы и согласны с тем, что еврейский вопрос трудно — если вообще — разрешим. Зеев Кац, например, будучи человеком нерелигиозным (насколько можно об этом судить по его статье) считает, что призванием еврейского народа является созидание и развитие «новых концепций философских

и социально-нравственных моделей» и что теперь перед ним предстоит задача создать модель нового, постиндустриального общества, в котором, возможно, будут решены проблемы, в нашем еще — индустриальном обществе неразрешимые.

— А какая религиозная концепция может быть противопоставлена этой?

— Ну, возьмите, напр., такого мыслителя, как Мартин Бубер, он подходит к проблеме антисемитизма с другой стороны, религиозной и философской. В одной из своих статей он написал:

«До сих пор нашего существования хватало лишь на то, чтобы сотрясать троны идолов, но не на то, чтобы воздвигать трон Господень. Именно в силу этого наше существование среди народов столь таинственно. Мы претендуем на то, чтобы научить абсолюту, но в действительности мы лишь говорим «нет» другим народам, или, пожалуй, мы сами являем собою такое отрижение и ничего больше. Вот почему мы стали кошмаром наций. Вот почему каждая нация одержима желанием отделаться от нас во времена, когда стремится возвести в абсолют себя самое — и не только внутренне (как это было с незапамятных времен), но и в практическом порядке». ¹³⁾

— Но вы мне не ответили на мой полу вопрос относительно возможности ассимиляции интеллектуальной еврейской элиты?

— Думаю, что евреи, как правило, представляют собой некий этнический коллоид, неудоборастворимый в гетерогенных стихиях. Ассимиляции, индивидуальные и чаще всего частичные, имели место в истории, но... редко!

— Да и редко они бывали удачными!

— Но если «геттоизация» нехороша, а ассимиляция плоха, то где же выход?

— Жизнь сама дает ответ на этот, кажущийся неразрешимым, вопрос.

— У Ю. Марголина имеются интересные строки, относящиеся к судьбе испанских ассимилянтов в средние века... вот, давайте я вам прочту:

«Но все соединенные усилия этих и других представителей испанского еврейства не могли предотвратить надвигающееся несчастье. Не могли его предотвратить и усилия ренегатов и неофитов, искренних и неискренних, искающих в лоне церкви спасения для себя и своих последователей. В этом заключается самый разительный урок «испанского варианта» еврейской трагедии. Здесь впервые начало выясняться, что причина неумолимой ненависти, какую средневековая Европа питала к еврейскому

меньшинству, неизменного отталкивания от него, не заключалась ни в религиозном расхождении, ни в экономических или классовых отношениях. Еврей не становился приемлемее от того, что он крестился, не спасало его занятие ремеслом или физическим трудом, или крайняя бедность. Причина была глубже, — но это выяснилось не сразу».¹⁴⁾

— Вы упомянули ренегатов, но ведь ренегатов евреи навсегда извергали из своего общества?

— Да, к ним община питала «жгучую ненависть» и предавала их проклятию. Зато и ренегаты, порой, жестоко мстили бывшим единоверцам и единоплеменникам. Так, напр., племянник известного философа Филона, Тиберий Александр, принял государственную религию и был назначен римским императором на должность наместника Египта, а затем устроил жесточайший погром на евреев в Александрии. По свидетельству историка Иосифа Флавия, также весьма жестокий погром был устроен в Антиохии по навету еврея-ренегата... также в средние века можно найти много подобных примеров, а в наше время одним из главных нацистских преследователей евреев был ренегат Эйхман.

— А в чем же усматривал причину антисемитизма сам Марголин?

— К сожалению, он этого не сказал. В полемике с А. Диким он не рассмотрел, по существу, аргументов своего оппонента. Да, по сути дела, он даже от полемики отказался, написав: «Отвечать? Разбирать по косточкам? Кому нужен «ответ» на этот псевдонаучный очерк, разбор по всем статьям и пунктам, который бы выяснил некомпетентность автора по всем затронутым вопросам?». Свою краткую статью в «Новом Русском Слове» он заключил следующим общим отзывом о книге А. Дикого о русском еврействе: «Не стоит входить в ее разбор, но можно рекомендовать ее каждому, кто захочет познакомиться — не с историей еврейства в России, какая она была на самом деле и близится к трагическому завершению, — а с образом антисемитизма, какой он был, есть и до сих пор сохраняется в известных кругах российской эмиграции».

— Да, отвергнуто крепко, хоть и необоснованно! Но если антисемитизм есть «беспричинное явление», как это следовало бы из рассуждений Марголина, т. е. возникающее по поводу евреев, но без их вины или причины, то его следовало бы отнести к классу естественных явлений, детерминированных психосоматическими

законами, наподобие того, как, напр., железо плюс кислород дают окись железа, т. е. ржавчину ... с той только разницей, что антисемитизм принадлежал бы к зоологической, т. е. биологической области, а не к химической?

— Так именно некоторые евреи и думают и даже употребляют выражение «зоологический антисемитизм». Однако такая постановка вопроса подобна палке о двух концах и навевает косвенно думы об еврейском расизме, хотя о нем евреи говорить не любят. Ведь если антисемитизм присущ нееврейским народам **по природе**, то это явление автоматически выделяло бы евреев из среды всего остального человечества в особую расу... человеческий род тогда состоял бы из евреев и всех остальных — неевреев. Но, допустим, что эта гипотеза правильная: тогда, с генетической точки зрения следовало бы допустить совсем необъяснимый факт, что среди семитов по природе имеются антисемиты, именно — арабы, по крайней мере, подавляющее большинство их, что, конечно, абсурдно...

— Получается какой-то порочный круг, какой-то фатализм...

— Кстати, довольно часто встречается мнение, что антисемитизм является симптомом или результатом Божьего проклятия народа, некогда избранного, но не оправдавшего своего избрания, ибо отвергшего Сына Божьего, Мессию, и предавшего Его смерти.

— Так, нечто вроде такого предсказания находим мы в книге «Еврейская Сивилла»: «...Будут и суша и море наполнены нами повсюду. Все ненавидеть вас будут за ваши привычки и нравы».

— Но книга эта не входит в состав Ветхого Завета?

— Конечно, нет. Но подобных текстов можно найти много в Ветхом Завете. Вот, напр.: «...и жена твоя будет обещечена в городе, сыновья и дочери твои падут от меча, земля твоя будет разделена межевой вервью, а ты умрешь в земле нечистой, и Израиль непременно выведен будет из земли своей». Это — из книги пророка Амоса (7, 17). Но я лично не приемлю гипотезу «проклятия», так оно, как таковое, претит духу христианства. Проклятие — это еще дух именно Ветхого Завета, проклятиями пестрят многие тексты там, в Новом же Завете слово это встречается очень редко и, к тому, только в личном, так сказать, порядке. Родовая ответственность, кровная месть, заклятие детей и поко-

лений («кровь Его на нас и на детях наших») высказано не Иисусом Христом, а европейской толпой... Иисус Христос же заповедал любить врагов, а не проклинать их. Ответственность за грех каждый должен нести лично.

— В этом ведь духе и было сформулировано постановление Второго Ватиканского собора в 1965 году, «Ностра Этатэ» о снятии коллективной ответственности с европейского народа за распятие Христа.

— А как же теперь относятся евреи к факту Распятия?

— Единого ответа ожидать не приходится... их целый спектр. Но расположены они между двумя крайними: ортодоксальные евреи, по всей вероятности, солидаризуются с решением первосвященников Анны и Каиафы и иерусалимскими старейшинами того времени; они, м. б., делают это по исторической инерции, но мало правдоподобным кажется, что они сделали бы то же самое в настоящее время.

— Я недавно читал где-то стихотворение молодого европейского поэта Дубнова, которое он закончил словами: «...мы вернемся и распнем!». Но я склонен считать это скорее, если и не литературным хулиганством, то попросту бахвальством.

— Но есть и евреи, признающие Иисуса Христа мессией (с малой буквы): те, несомненно, скорбят о случившемся.

— А разве такие действительно существуют?

— Да, они сами называют себя евреями-мессианистами; они всецело принимают этическое учение Христа и считают, что Он «понес на себе грехи Израиля» и своей смертью искупил свой народ. Они в какой-то степени являются арианами, ибо не верят в божественную природу Иисуса Христа. Для них Он — спаситель, но не Спаситель!

— Где же они обретаются?

— Ну, в Израиле, в Иерусалиме у них имеется своя пресса, «Маунт Зион Репортэр», эта секта имеет довольно много последователей в США... они в какой-то степени продолжают линию, начатую в свое время хассидами, хотя последние и не называли себя мессианистами.

— Кроме того, я уверен, что есть много евреев, воспитанных в духе европейского гуманизма... они отвергают смертную казнь вообще, а потому не могут

оправдывать Распятия. Другие же утверждают, что у их праотцов не было другого выхода, перед ними была дилемма: либо исполнить закон и казнить Иисуса, либо помиловать Его и тем самым нарушить закон.

— А я думаю, что такая формулировка порочна и представляет собой в устах современного еврея, попытку ретроспективного оправдания случившегося. Закон нарушался во всей истории еврейского народа и не всегда это нарушение каралось смертью. Закон нарушили и цари, и простые смертные и не всегда к закононарушителям применяли «вышнюю меру наказания». С Иисусом Христом дело представлялось иначе: по тем или иным причинам Его хотели устраниТЬ и поэтому следили за Ним, чтобы найти повод к обвинению и применению санкций. Состава преступления Синедрион так и не обнаружил, но первосвященник просто сформулировал **прагматический** выход: «Лучше одного человека предать смерти, чем вовлечь в беду весь народ» (Ин. XI, 48-50).

— Вот тут-то мы и подошли к очень важному, на мой взгляд, вопросу о **перспективе**, в которой следовало бы рассматривать факт Распятия. Мы, верующие в Него; видим в этом событии казнь Богочеловека, тогда как для современного атеиста это было лишь устранение неудобного еврейским руководящим кругом человека. Ведь из текста, на который вы сослались выше, следует, что для Синедриона Иисус был лишь смутьяном, развалившим устои еврейского общества, ломавшим установленные традиции: его устранили в порядке, так сказать, самозащиты.

— В какой-то степени это верно. Исполнение Закона было тем цементом, который скреплял сынов избранного народа во единое целое. Если и теперь, зная о той роли, которую Иисус Христос сыграл в истории человечества, многие не веруют в Него и не принимают Его учения, то что же говорить о тех, кто не мог прородить духовным взором плотную завесу, скрывающую собой будущее. По-человечески, оставаясь в имманентно-рациональном плане, первосвященники и старейшины, в их понимании судеб народа и ответственности, лежащей на них, предпочли меньшее зло большему. Принятие учения Христа и вера в Него, как Сына Божьего, требует трансцензуса этого плана, требует перестановки вверх ногами всего установленного и естественного способа мышления...

— Недаром уже Тертульян сказал: «Кредо квия абсурдум». Христианская перспектива парадоксальна и антиномична и в качестве таковой она казалась непонятной и неприемлемой современникам Христа.

— Да, но в наши дни отказ от такой антиномичности менее оправдан. Современный еврей, как мне кажется, если даже и оправдывает своих предков **по тогдашим обстоятельствам**, сам-то, перед Богом и своей совестью, **каждый для самого себя** должен определить **свое** отношение к факту казни Иисуса Христа.

— А к чему вы ведете?

— А к тому, что в зависимости от его личной принципиальной позиции занятой в этом вопросе, зависит и **мое** отношение к нему. Если его солидарность с делами предков столь сильна, что определяет его мировоззрение, его этику и в настоящее время, то и мое отношение к Нему, кроме личной окраски, принимает и принципиальный характер. Вот, многие евреи утверждают, что антисемитизм не подобает христианам. Конечно, по существу, взятое в отдельности, это истинное суждение. Но, в жизненном контексте, так сказать, это вызывает некие оговорки. Если еврей требует от русского, скажем, чтобы тот относился к нему по-христиански, то он должен сказать, уважает ли он сам эту самую «христианскость», разделяет ли он ту этическую норму, применения которой к себе он желает? Или же он сторонник **двух** норм: христианской — по отношению к себе, и иудейской — в своих отношениях к христианам? Ведь норма, какой руководится правоверный еврей по отношению к «гоям», основана не только на прямых текстах Ветхого Завета, но и на его талмудической экзегетике, в которой непосвященные «совсем не разбираются».

— Вы недавно упомянули постановление II Ватиканского собора, а что вы скажете относительно обращения французского римо-католического епископата «Пастырская ориентация в сфере отношения христиан к иудаизму», имевшего место в 1969 году? Это ведь тоже знаменательный документ?

— Позиция епископов показалась мне... да простится мне такое сравнение-парафраза... «более христианской, чем сам Христос»... они мне напомнили о русских интеллигентах прошлого времени, слезно кающихся в своих винах перед «народом». Конечно, есть там ряд правильных мыслей, но в общем епископы перестарались.

лись... Разрешите, я достану текст этого обращения в русском переводе... вот, напр., чего стоит такое утверждение: «Первое условие требует от всех христиан уважения к еврею, каковой бы ни была его манера быть евреем. (Подчеркнуто мною! — Г. Э.), ...«чтобы они стремились его понять, как он понимает сам себя, вместо того, чтобы его судить согласно своему собственному образу мысли». ¹⁵⁾

— Да, здесь они хватили здорово! А если еврей — чекист или жулик? Бывают же и такие!

— Вот именно! Иисус Христос не шел так далеко... Он смело обличал евреев, если считал, что «их манера быть евреем» не соответствует этическим нормам того времени... Вот, в Евангелии от Матфея, Он часто называет их гробами поваленными, судьями неправедными, змиями, порождениями ехиднинами, негодными рабами, лицемерами, безумными и слепыми, и в праведном гневе даже восклицает: «...да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахина, которого вы убили между храмом и жертвенником» (23, 35).

— В связи с вышеупомянутым обращением французского епископата в «Вестнике Р.Х.Д.» были напечатаны три статьи и, косвенно, четвертая. Статья о. Сергея Булгакова, озаглавленная «Гонение на Израиль» (1942 г.), там он выражает мысли несколько схожие с теми, какие мы встречаем в «Обращении»... правда, у него ударение на мистическом аспекте проблемы и богословская трактовка у него глубже и интереснее; затем была напечатана анонимная статья Гр. Н. З. из СССР и статья о. А. Шмемана.¹⁶⁾ Это очень интересные и убедительные статьи, их можно считать репрезентативными для православного воззрения в этой области. Гр. Н. З. и о. А. Шмеман не соглашаются с некоторыми мыслями о. Сергея...

— А чья же статья четвертая?

— Это статья Алексея Руднева п. н. «Условие диалога»¹⁷⁾ Должен признаться, что статья эта мне не понравилась. М. б. я грешу излишней подозрительностью, но она, написанная от имени **русского православного**, в чем-то нарушает закон литературного правдоподобия. Конечно, я могу ошибаться...

— Но... **Алексей Руднев!**

— Ну, псевдонимия и криптонимия случаются сплошь и рядом! Дайте, я вам прочту, что он пишет, и

вы сами увидите...: автор имеет в виду дореволюционную Россию: «...Антисемитизм здесь когда-то имел столь отчетливо «христианский» характер, что в иные годы уже стало традицией в день Светлого Воскресения с иконами, ножами, ломами и кастетами идти пьяной оравой в какой-нибудь еврейский квартал и там взыскивать за грех Иуды». Как вам это нравится?

— Да, невероятно, чтобы так написал русский православный!

— Но это не всё. Я намеренно хотел бы задержаться подольше над этой статьей, так как она дает ряд точек отправления для нашей дальнейшей дискуссии и кроме того, насколько мне известно, до сих пор никто не рецензировал эту статью. Она написана в прямой связи с выходом в свет в самиздате сборника статей п. н. «Два Завета» (1972) — в ней обсуждается вопрос, на какой платформе возможен диалог между иудеями и православными христианами. Статья эта имеет, согласно нашему определению выше, «антиантисемитский» характер, хотя сам автор и старается убедить читателя в том, что его перспектива — православная, или, по крайней мере — христианская. Хотелось бы обратить ваше внимание на несколько определенных тем. Оговоримся, во-первых, что мы не ставим под вопрос доброжелательность составителя сборника, тогда М. Меерсона-Аксенова, а ныне священника Американской Православной Церкви. Этот сборник для определенного круга читателей может быть полезным. Но практическая целесообразность и результативность его в более широком масштабе кажется нам сомнительной. В последнее время «диалоги» стали весьма модными на Западе, особенно же после обеих войн... они насаждались инициативой скоропостижно скончавшейся Лиги Наций, а затем эта практика унаследовалась ныне еще «здравствующей» Организацией Объединенных Наций; в этот фарватер легко вошел Всемирный Совет Церквей и бесчисленное множество конференций, комиссий, комитетов... Если в экономических, литературных и медицинских областях «диалоги» еще приносят некие результаты, то в области религиозной большой целесообразности я, грешным делом, не вижу.

— Диалоги между христианами и иудеями велись ведь на протяжении веков, в Испании, в Италии, в ренессансной Европе, а во времена не столь уж отдаленные — у нас, в Вильне, в Петербурге... Диалоги эти или,

как их раньше называли, — диспуты, не принесли желаемых результатов. Я совсем не против ознакомления христиан с богословием Ветхого Завета, напротив, считаю его необходимой составной частью религиозного образования каждого христианина, но для этого в его распоряжении имеется Библия и богатейшая экзегетическая литература.

— Да и какова конкретная цель таких диалогов? Ведь не прозелитизм-же? Да и прозелитизм — это скорее монолог, миссионерство: «...итак, идите, **научите** все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я поведал вам» (Матф. 28, 19-20). Кто же кого собирается «учить» в диалоге? Кто кого — обращать? Для нас, христиан, путь к Богу един: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6). Дай нам Бог сил и умения исполнить то, что велит нам наша религия!

— И мне кажется, что выдвигание нужд в религиозных диалогах — вещь надуманная. В религии действует принцип: «Приди ивиждь!», а диалоги — это для философов, социологов, политиков...

— Для того, чтобы люди лучше узнавали друг друга и влияли один на другого желательно устраивать общества дружбы, кружки, симпозиумы... совместная жизнь и практическое оказывание любви к ближнему, независимо от их веры и национальности, много важнее теоретических «диспутов».

— Верно! В вышеупомянутой статье о. А. Шмемана хорошо сказано, что выдвигать вопрос иудейства и его судеб в какой-то **особый** план, особый объект христианской религии есть некое смещение правильной перспективы.

— Возвращаясь к статье Руднева, отметим, что выражение «диалог между евреями и христианами» неудачно. Следует говорить о диалоге либо между иудеями и христианами, либо — между евреями и русскими. Дальше он утверждает, что, собственно говоря, антисемитизм как таковой евреев не касается, так как это «проблема сугубо христианская»... Разогнавшись в этом направлении, он уточняет: «...антисемитизм как религиозная или эмоциональная проблема, строго говоря, не может быть темой диалога для евреев», ибо вина за антисемитизм лежит целиком на неевреях.

— У этого «русского православного» унижение паче гордости!

— Да, он часто пользуется выражением «христианский антисемитизм». Но по существу это противоречивое сочетание, которым злоупотребляют многие. Я так понимаю, что если «антисемитизм», то уже не христианский, ибо христианская этика запрещает проявлять те эмоции, которые входят в состав и антисемитизма. Ведь антисемитизм — это ненависть, а где же христианство учит ненависти?

— Мы об этом уже говорили и еще будем говорить.

— Ну, а как же быть с преследованием евреев инквизицией?

— Во-первых, инквизиция преследовала не только евреев-иудеев, но и нещадно истребляла своих же христиан, заподозренных в ереси, волшебстве, научных опытах и т. п. Во-вторых, отметим, что поступки **плохих христиан** нельзя вменять христианству, как таковому. Из того, напр., что Иоанн Грозный был садистом и убийцей, нельзя заключать о монархической власти! Торквемада, горя ревностью не по разуму, был по существу также садистом и поступал не в духе любви Христовой. Грехи христиан нельзя ставить в вину христианству. Вот, возьмем пример из истории еврейского народа. Царь Александр Яннай (103-76) из личной мести распял на крестах 800 своих единоплеменников и сограждан, на глазах распятых, но еще живых, перерезал их жен и детей, а сам пировал с наложницами в это время и наслаждался страшным зрелищем. Этот царь Яннай был к тому же и первосвященником! Кто же возлагает его личные грехи на иудейскую религию?

Я задержусь над статьей А. Руднева дольше, так как там есть ряд тем, требующих обсуждения. Итак, признав, что наряду с «антисемитизмом христианским» имеются еще разновидности антисемитизма дохристианского, нехристианского и антихристианского, он заключает, что на всех этих видах антисемитизма «стоит печать антисемитизма христианского» и утверждает к тому, что атеистический коммунистический антисемитизм передан был советскому режиму дореволюционными православными христианами.

Тот же Руднев считает, что христиане (православные) **до того**, как приступят к диалогу с евреями, должны очиститься покаянием в следующих грехах:

«...христианам следует отказаться не только от всякого временного и земного суда, но и покаяться в том суде, который они

творили. Покаяться в том, что своими короткими мерками они решились измерять бездну любви Божией. Покаяться в том, что суд их над избранным народом был мерзостью перед Господом. Покаяться в том, что они нарушили заповедь «жизни вечной» и заткнули уши перед свидетельством Писания. Покаяться, что не услышали молитвы распинаемого Христа. Покаяться в этом изобретении антихриста — «христианском антисемитизме». Покаяться, наконец, в том, что это изобретение они передали нехристианам, и оно принесло надлежащие плоды(...). Те из христиан, которые сегодня испытывают к евреям чувство некоей духовной брезгливости, каким бы поэтическим и богословским утонченным оно ни было, должны взять на себя ответственность и за былые погромы и за газовые камеры».

Дальше, когда Руднев говорит, что «вся история еврейского народа, в особенности после разрушения Иерусалима и до недавнего времени совершалась по замыслу Бога — в этом, кажется, не усомнится ни христианская, ни иудейская вера», то мне хочется ему ответить, во-первых, что я лично не верю в так определенный исторический детерминизм, и, во-вторых, что если все то, что случается с еврейским народом, случается по замыслу Бога, то это должно было бы относиться и к преследованию евреев, т. е. к наличию антисемитизма!

Но Руднев идет и того дальше! Он считает, что современный советский антисемитизм куда благообразнее и легче, чем антисемитизм монархической и православной России:

«Да и можно ли всерьез говорить, — пишет он, — о нынешнем антисемитизме? Это всего лишь осторожный, вдумчивый антисемитизм государственного расчета, один из курьезов планового хозяйства, антисемитизм «пятого пункта», процентных норм и служебных потолков, антисемитизм каких-то неведомых циркуляров и специальных инструкций, которые делаются особым тоном и за закрытой дверью. Или же это народный эмоциональный антисемитизм, антисемитизм анекдотов, понимающих улыбок и подмигиваний, и косых взглядов, антисемитизм базарной перебранки или автобусной толкотни, часто совершенно беззлобной. Все это трудно считать настоящим антисемитизмом, скорее это отрава прежнего «христианского» антисемитизма, его гниение, чей смрад смешивается со смрадом атеизма и безбожия. И перед лицом этого безбожного антисемитизма смиренно и с сознанием своей ответственности нынешним христианам следует вступать в диалог с евреями».

— Рассуждения Руднева были бы смешны, если бы не имели попросту провокационного характера.

— Да, Ватикан ведь, снимая с еврейского народа ответственность за то, что сделали его предки, не требовал — в качестве предварительного условия — их покаяния. Относительно же статьи Руднева надо сказать, что в ней жгуче ядовитый материал, процитированный выше, разбавлен текстом общебогословского характера и потому не производит такого сильного впечатления.

— В противовес тому, что сказал Руднев, русские тоже могли бы предъявить счет евреям за ту роль, какую они сыграли в деле революции в России, а ведь это тоже — вода на антисемитскую мельницу!

— Эта тема требует несколько особого рассмотрения и я предлагаю приступить к ней после краткого перерыва.

— 0 —

— Согласно изначально принятому условию, мы будем продолжать цитировать только еврейских писателей.

— А вы ведь цитировали Алексея Руднева довольно основательно!

— Я не знаю, каково происхождение его, но характер его высказываний был сильно окрашен в антиантисемитские тона, я бы сказал даже, — антируристические тона, и по этой причине я включил его в еврейскую группу. Теперь же я приведу ряд цитат из книги «Россия и евреи», написанной русскими евреями и изданной в 1923 году в Берлине. В введении от имени «Отечественного объединения русских евреев заграницей» сказано: «Непомерно рьяное участие евреев-большевиков в угнетении и разрушении России — грех, который в себе самом носит уже возмездие (...) Все, положительно все страны и народы заливаются волнами юдофобии, нагоняемыми бурей, опрокинувшей Русскую державу» (стр. 6).

— Книгу, на которую вы сослались, я читал. Там много горькой правды, горькой и для евреев, и для русских. Но так как нас теперь интересует вопрос еврейский, то нам и следует сосредоточить свое внимание именно на нем.

— При дискуссии на тему антисемитизма в России

следует избегать двух крайностей, которые можно было бы кратко определить, как лозунги: «Жиды погубили Россию!» и «Евреи ни в чём не виноваты, это только навет со стороны черносотенцев!».

— И. М. Бикерман, в статье «Россия и русское еврейство» высказывает по существу, ту же мысль, что и Бубер, которого мы уже цитировали, именно, что юдофобия не только в России, но и в остальном мире питается страхом перед евреем, как перед **разрушителем**. Но... отдадим голос ему самому.

«Нечего и оговаривать, что не все евреи — большевики и не все большевики — евреи, но не приходится теперь также долго доказывать непомерное и непомерно рьяное участие евреев в истязании полуживой России большевиками (...). Русский человек никогда прежде не видал еврея у власти (...). Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе красной армии (...). Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск — в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачем: он встречает на каждом шагу евреев, не коммунистов, а таких же обездоленных, как он сам, но все же распоряжающихся, делающих дело советской власти: она ведь всюду, от нее и уйти некуда». (стр. 23).

— Да, евреи, в большинстве, как-то быстро легко отождествили себя с революцией.

— Я бы не сказал — в большинстве, но процентное соотношение тех, кто «дорвался» до власти, к остальной массе у евреев действительно было самое высокое по сравнению с иными народностями России.

— Бикерман отдает себе отчет в том, что большинство евреев-небольшевиков пострадало от революции так же, как и другие, и что оно, убедившись в том, что революция принесла много бед, жаждало бы иного... И тем не менее, — добавляет Бикерман:

«Но с жаждой конца у еврея уживается и над ней преобладает бережное отношение к нынешней власти, как к экспоненту революции или производному от нее. Не нами вызванная, не наами и осуществленная, революция тем не менее воспринимается евреем, как великое благо — для всех, вообще, для нас — в особенности. Не требуется даже указать, какие именно блага она принесла. Не принесла, так принесет еще» (стр 27).

— В поведении евреев было, конечно, много иррационального. Они думали, что новое «плохо» будет

меньше старого «плохо», а другие проводили в жизнь то, о чем говорится в украинской поговорке: «Нехай гирше, абы иные», т. е. пусть хуже, но иначе, по-новому... Вожаки же думали, что будет хорошо, а им лично — в особенности.

— Бикерман рассказывает еще об одном примечательном разговоре...

«Когда хорошо известный нам старый, заслуженный еврейский общественный деятель — белый ворон — предложил в одной из европейских столиц высокому еврейскому сановнику духовного звания организовать протест против казней православных священников в России, тот, подумав, ответил ему, что это значило бы бороться против большевиков, чего он не считает возможным делать, так как падение большевистской власти приведет к еврейским погромам, и его, сановника, руки окажутся, таким образом, замаранными еврейской кровью» (стр. 55)!

— Но... сеющий ветер — пожинает бурю!

— Не преувеличиваете ли вы, однако, элемент иррациональности в поведении евреев?

— Вот другой автор сборника, Г. А. Ландау, показывает это в несколько ином сечении. Во-первых, скажу мимоходом, что у него мы находим ту мысль, которую мы рассматривали в связи со статьей Пераха. Ландау прямо говорит, что «всякого, кто неодобрительно отзыается об евреях, они признают явным антисемитом, а всякого, кто этого не делает — антисемитом скрытым. Во-вторых, Ландау говорит, что «есть в участии евреев в русской смуте — черта поразительной самоубийственности». По своим способностям и вкусам евреи строили в России, да и в других странах, буржуазный класс; капиталы сосредотачивались в их руках. Казалось бы, что в духе пресловутой еврейской солидарности они должны были бы противодействовать всему тому, что угрожало этой «буржуазности», и всячески поддерживать государственные устои, в которых их экономическое, да и культурное развитие имело место. Вместо же этого евреи всячески поощряли идеи социализма, сепаратического национализма и перманентного революционизма. Получалось, по Ландау, так, что реально они строили буржуазное общество, а идеально разрушали.

«Ряды социалистов, — пишет Ландау, — были переполнены евреями. И когда по линиям русских государственных судеб над Россией, если можно так выразиться, стрясся вместе с революцией социализм (...), тогда не только эти евреи со всей своей

численностью и энергией оказались на передовой волне разложения. Тогда и остальное еврейство оказалось без сцепляющей идеи, — с недоуменным сочувствием к происходящему и недоуменной беспомощностью применительно к его результатам» (стр. 109).

И дальше:

«...большевистский строй, опрокинувший социальную пирамиду, давший господство социально — низам, морально — отбросам, культурно — невежественным, неизбежно и в еврействе вытянул на поверхность соответствующие же элементы, открыв свободный путь наглости, проворству, всяческому отщепенству, всему непомнящему родства; и ясно, что и среди евреев легко отыскались таковые для разрушения учреждений и ценностей, родства с которыми у них к тому же и вообще не было, или было лишь слабое (...). Поразило нас и то, чего мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде — жестокость, садизм, насилиничание, казалось, чуждое народу, далекому от физической воинственной жизни...» (стр. 117).

— Не кажется ли Вам, что число евреев, принявших участие в революции, преувеличивается именно антисемитами?

— Но об этом же говорят сами евреи, напр., И. О. Левин, в статье «Евреи в революции»:

«Следует признать, что из всех приводимых с еврейской стороны аргументов, оспаривание числа евреев-большевиков совершенно не может считаться серьезным. Не подлежит никакому сомнению, что число евреев, участвовавших в партии большевиков, а также во всех других партиях, столько способствовавших так называемому углублению революции: меньшевиков, эс-эров и т. д., как по количеству, так и по выпавшей на них роли в качестве руководителей, не находится ни в каком соответствии с процентным отношением евреев ко всему населению России». (стр. 124).

— А. Дикий в цитированной нами уже книге приводит списки лиц, вошедших в состав правительства и высшей администрации в пореволюционные годы. В Совете Народных Комиссаров, состоявшем из 22 членов, 17 было евреев; в Военном Комиссариате соответственные цифры были 43 и 34; в Комиссариате Внутренних Дел — все евреи; в Комиссариате Иностранных Дел — 17 и 12 и т. д. Из 545 перечисленных официальных лиц высшего управления евреев было 452, т. е. ок. 83%!

— Ну а в Венгрии, в первом революционном правительстве число евреев доходило до 95%!

— Откуда вы это знаете?

— Да об этом пишет тот же Левин, ссылаясь на

б. министра национальных меньшинств в этом венгерском Правительстве — Оскара Ясси, еврейского, между прочим, происхождения.

— Об участии евреев в деле революции свидетельствовал сам Ленин, лицо, можно сказать, в этом деле наиболее авторитетное... это засвидетельствовано двумя еврейскими авторами, Киржничем и Соломоном Гольдманом.¹⁸⁾ В частности, в разговоре с Диаманштейном, комиссаром по еврейским делам при «Комиссариате по делам национальностей», он отметил:

«Большое значение для революции имело то обстоятельство, что за годы войны в русских городах осело много еврейских интеллигентов. Они ликвидировали тот всеобщий саботаж, на который мы натолкнулись после Октябрьской революции... Еврейские элементы были мобилизованы против саботажа и тем спасли революцию в тяжелую минуту. Нам удалось овладеть государственным аппаратом исключительно благодаря этому запасу разумной и грамотной рабочей силы».

— Но, чур! — вы процитировали русского!

— Извините, но эта цитата из еврейских источников. Кроме того, в жилах Ленина текла и еврейская кровь, на одну восьмую, так сказать, но зато в нем не было ни капли русской крови!¹⁹⁾

— Ну, не будем углубляться в генетические дебри...

— Да и вообще, господа, не достаточно ли этих цитат? Если кто хочет ознакомиться с тем, как эта проблематика выглядит в настоящее время, более полувека спустя, пусть прочитает недавно вышедшую книгу Светова «Покаяния двери отверзи», там хорошо выведены типы и антисемитов и тех, кто антисемитизм вызывает... и на примере Гольцева, и священника, крестившего его, он показывает, какое отношение между русскими и евреями может, а следовательно, и **должно** быть.

— Кстати, известно ли Вам, что эта повесть автобиографическая? Об этом известил сам о. Д. Дудко, крестивший автора...

— Да, об этом была заметка с «Русской Мысли».

— Так вот, господа, мы подошли вплотную к теме **долженствования** и в этой перспективе рассмотрим явление антисемитизма... после краткого перерыва.

— О —

— Я хотел бы подойти к нашей основной теме те-

перь со стороны психологии, вернее — со стороны психологии нравственности, если можно так выразиться... Всем известна латинская поговорка «хомо хомини люпус эст» и весь тот комплекс эмоций, который ею охватывается. Это — естественная позиция чистого эгоизма и суть борьбы за существование. Но... человек призван к тому, чтобы не быть «волком», и если он этот «волчий» уровень перерастает, то перед ним открываются просторы, присущие «хомо сапиенс» и, следовательно, два пути: вернуться назад к уровню «волка» во всеоружии достижений технического прогресса нашей эпохи и стать много хуже и опаснее волка или же, переходя от эгоизма к альтруизму, вернее — начав этот переход — принять некий нравственный код, уже застанный им в окружающем обществе или же установленный им же, скажем, в порядке подражания или же в результате вдохновения свыше...

— Но как же обстоит дело с наследственными способностями и склонностями, с «волчими», так сказать, генами, которыми человек запрограммирован без его воли и согласия?

— Генетически унаследованные склонности и способности можно ведь модифицировать, давая волю одним и заглушая другие... так вырабатывается характер, то, что схоластики называли словом «хабитус» и такого рода навыками каждый человек в какой-то степени программирует свое потомство, зачинает как бы новые генетические ряды...

— Как же вы определяете следующий поведенческий этап или уровень — «сверхволчий»?

— Я бы его определил: «как ты мне, так я тебе». Этот принцип лежит и в основании ветхозаветной морали с ее математически-расчетным понятием справедливости: «око — за око, зуб — за зуб». Он обязывает, собственно говоря, всех людей, находящихся на дохристианской нравственной ступени.

— Ну, а дальше, т. е. выше?

— «Так как ты ко мне **не так**, как я к тебе, то и я **уже** буду к тебе не так, как прежде».

— Что-то я не вижу разницы, вернее — не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать?

— Последним кодом руководится «нормальный» человек, неглубокий, скажем, христианин, или среднего уровня гуманист. Он готов начать «поведенческий диалог» с позиции, диктуемой ему христианской эти-

кой или попросту гуманными соображениями (которые ведь являются по существу семенами христианской этики), но, не встретив соответственной или соравной реакции, легко соскальзывает на уровень этики ветхозаветной: «око — за око, зуб — за зуб» этики, так сказать... римское право которое знало так называемый «лекс талионис» для выражения того же понятия.

— Ну, а еще выше?

— Выше мы можем поместить этику Канта, этику категорического императива... Какой тонкой она ни кажется, она — лишь вершина человеческой этики... Конечно, если бы все люди согласились руководиться его максимой, которую можно по-русски выразить в словах: «поступай всегда согласно норме, которую ты сам был бы готов возвести во всеобщее правило поведения». Это — апогей естественной, прагматической этики, однако ее мотив определяется сублимированным эгоизмом или рассудочно-оправданным гедонизмом: это тот оптимальный нравственный общий знаменатель, при осуществлении которого достигнут был бы оптимум человеческого благополучия на земле. Это — отвлеченное понятие, логически этически правильное, но редко кого способное вдохновить к ежедневному применению, разве что философов и нравственных педантов. Этот код поведения требует некоей волевой выдержки, является плодом культуры, т. е. результатом постоянного и длительного «самовозделывания».

— Но если этот «потолок» естественного нравственного совершенствования редко кем достигается и редко кем применяется в жизни, то каков же выход из положения?

— Согласно закону диалектики, из каждого положения имеется два выхода: вниз и вверх. Первый рекомендуется Ницше: отбрось все гетерогенные этические коды и вернись на уровень «вседозволенности» «юберменша», сиречь белокурой бестии; второй мы находим в современной литературе у Кафки... в одном из его рассказов повествуется о том, как обезьяна, которой невмоготу стало в ее невыносимо-стесненном положении, вышла из себя и... стала человеком!

— Шутки в сторону! Что вы имеете в виду?

— Как Николай Коперник опрокинул вверх ногами птолемеевское землесолнечное мировоззрение, так две тысячи лет тому назад Иисус Христос полностью переставил перспективу «естественных» норм поведе-

ния и, таким образом, указал цель человеческой эволюции от «хомо эррэктус», — «хомо фабэр», — «хомо когитанс», — «хомо сапиенс»... к «хомо консциэнс», что по-русски еще лучше звучит, как «совестливый человек». В Евангелии от Матфея есть много мест, по своему смыслу опрокидывающих «естественную» мораль и чувство «естественной» справедливости... здесь и притча о работнике одиннадцатого часа (Матф. 20,1), и целый ряд речений, вроде следующих: «...кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Матф. 5, 40-41); «...многократно вы слышали, что сказано древним... а Я говорю вам...» ...«вы слышали, что сказано: око — за око, зуб — за зуб», а Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Матф. 5, 38-39) и, наконец: «Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев» (т. е. нормального этического уровня лучших представителей еврейского народа того времени), «то вы не войдете в Царство Небесное» (Матф. 5, 20).

— Да, эти тексты изобличают фальшивь «сююкающего» французского епископата, рекомендующего вместо «горе вам!» принимать еврея в **любой форме его бытия** и не судить его с какой-либо иной позиции, чем позиция этого самого еврея. Таким образом, всегда все были бы оправданы. Это крайний либерализм, чтобы не сказать — либертизм!

— Но как возможно практически осуществить, что заповедал Христос?

— Вот такой же вопрос задал Иисусу и Никодим и получил ответ:

«Если кто не родится снова, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3,3). Никодим постиг в этом ответе только прямой смысл, дословный, и недоумевал, как же можно родиться **второй раз**? Иисус же Христос имел в виду рождение в духе, рождение **свыше**. В философском и научном аспекте это значит, что человек должен **муттировать**, т. е. оторваться от **эгоизма** (индивидуализма) и устремиться к **альtruизму** (универсализму). Если мы посмотрим на человека через эту перспективу, то мы увидим, что новозаветная мораль ступенью выше ветхозаветной, она в какой-то степени —

иная. Но преимущество христианской религии сказывается в области этической, а не материальной. Приобретайте сокровище на небе, а не на земле, — говорил Христос. Поэтому-то в некоторых видах христианства имеется опасность уклона в манихейство, в монтанизм, выражавшихся в некотором гнущении материей и материальными благами. У правоверного иудея же жизненная энергия направлена прежде всего на имманентную, прагматическую область: богатство, долголетие и многоплодие... В житейской области поэтому иудей и христианин, уже априори — неравные соперники.

— Но ведь нельзя так обобщать! Плохой христианин хуже хорошего иудея!

— А я и не обобщаю! Я только вывожу некую теоретическую плоскость сравнения. Однако кому больше дано, или открыто, от того больше и спросится. Если «ноблесс облиз», то христианство и того больше! Если перед нормальным, недискриминационным законом за такой же самый проступок ответственность иудея и христианина одинакова, то перед лицом нравственного закона, записанного в скрижалах нашего сердца, ответственность христианина больше, чем иудея. «Вы слышали, что сказано древним: не убивай! кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «пустой человек» (рака), подлежит верховному судилищу (синедриону); а кто скажет: «безумный», подлежит гиене огненной» (Матф. 5, 21-22).

— Я хотел бы отметить, что жизненные обстоятельства повлияли на то, что некоторые свойства стали еврейскими чертами по преимуществу, а другие — проявились в более сильной степени у них, чем у коренных жителей. Возьмите вот, напр., область психологии. Если русскому что-либо в евреев не нравилось, то если ему воспитание не препятствовало, он мог заявить об этом во всеуслышание. Он ничем, собственно говоря, не рисковал... разве что его поступок мог бы подвергнуться осуждению интеллигентных людей. Но в подобной ситуации еврей побоялся бы высказать свое мнение открыто, ибо он все-таки чувствовал себя в этнически гетерогенной стихии. Русский-то автохтон, а он, еврей, в какой-то степени — пришелец.

— Уже С. Лурье отметил, что если бы евреи в рас-

сиянии реагировали бы на обиды и оскорблении рефлексивно, то это со временем привело бы к их полному уничтожению. Еврею не раз приходилось проглатывать обиду, затаивать ненависть, и это травмировало его психику. Конечно, при случае и он отыгрывался, по-своему, в виде психической компенсации. И в условиях, правда — редких, когда он становился хозяином положения, он мог своим подавленным эмоциям дать более бурный выход, чем это имело бы место, скажем, у русского, у которого рефлекс мог приносить разрядку без аккумуляции страстей.

— А кто из вас помнит слова Шейлока из «Венецианского купца» Шекспира... когда он потребовал кусок живого тела от незадачливого должника из-за неустойки?

Иль, может быть, я должен низко шляпу
Пред вами снять и тоном должника,
Едва дыша, вам прошептать смиленно:
«Почтеннейший синьор мой, на меня
«Вы в середу прошедшую плевали,
В такой-то день вы дали мне пинка,
«В другой — меня собакой обругали;
«И вот теперь за ласки эти все
«Я приношу вам столько-то и столько!».

— Да, обстоятельства вырабатывали в евреев неприятные черты характера: трусость, мстительность или, при измененных ролях — нахальство. Ущемление прав, ущемленное чувство собственного достоинства, стремление выжить во что бы то ни стало, лишь бы не ценой отступничества от религии и национальной солидарности, вырабатывало в евреев способность к мимикрии, что в свою очередь, вызывало у автохтонов подозрительность, недоверчивость и служило иногда материалом к созданию легенд о «всемирном заговоре».

— Каждый народ обладает некоторыми характерными свойствами: одним они могут нравиться, другим — нет, у третьих они могут вызывать отрицательные рефлекции или попросту враждебность... Если это народы соседские, то их отношения могут быть дружественными, а могут быть и враждебными... последнее чаще всего случается... И дальше, в одном и том же народе одно может нам нравиться, другое — нет; или же одним — нравиться, другим — нет. И такие эмоции свойственны и целым народам, и индивидуумам.

— Ясно, но к чему вы клоните?

— Подождите немного... Итак, неприятные мне черты, скажем, в немецком народе вызывают во мне германофобские настроения; в английском — англофобские; в еврейском — юдофобские, не правда ли?

— Совершенно верно. В силу того же самого психического закона мы с вами можем вызывать у представителей других народов, скажем, у поляков, русофобские настроения...

— Да, национальная неприязнь отчасти перекрывается явлением ксенофобии, т. е. боязни или ненависти к иностранцам вообще.

— Так или иначе, «фобия» есть реальность, укорененная в животном, доисторическом прошлом; она существовала, существует и будет существовать, различным образом проявляясь. Степень «фобического» накала бывает разная, но само явление, как таковое, возникает в порядке «действия и воздействия».

— Поэтому так неубедительно звучат слова А. Руднева, что антисемитизм возникает в нееврейской среде и потому должен решаться не евреями... это равнозначно тому, как если бы кто-либо утверждал, что расширение физических тел следует рассматривать само по себе, независимо от изменения температуры... или, что вогнутая поверхность не имеет ничего общего с выпуклой. Существуют так наз. «парные понятия», из которых одно, взятое в отвлечении от другого, теряет смысл... если «левое» бессмысленно без соответственного «правого», так и «антисемитизм» немыслим без того, что мы назвали бы «семитизмом».

— Как уже было сказано, «анти...измы» существовали везде и всегда, и антисемитизм представляет собой только один, может быть, наиболее яркий вид их.

— С одной стороны, надо признать, что никакой народ, быть может, не пережил стольких гонений и унижений, как израильский, но с другой стороны, нельзя не отметить, что и сами евреи раздували значение антисемитизма, как такового. Вот если перед вами покрытая золой куча тлеющих углей... — направьте сконцентрированную струю воздуха на одно место, и именно в нем угли ярко разгорятся.

— Существует психологический закон противоборства или противления, не помню точно, как это звучит по-русски... то, что называется «люа д'эффор конверти»... Скажите слегка выпившему человеку, что он пьян,

и он, как правило, разозлится... или, если спокойно поплемизирующему оппоненту сказать, что он напрасно раздражается, то последний сразу же почувствует некое раздражение именно вследствие этого замечания.

— Насколько я вас понимаю,... вы хотите определить тот **климат** или **среду**, в котором может возникнуть и «антисемитизм», и «антигерманизм» и «антикитаизм» и ряд «анти-измов» вообще..., хотя **актуально** их в ней нет.

— Именно, именно! Я имею в виду **потенцию** таких явлений и их **фактичность**, а к аксиологии мы придем позже... То, что в том или ином человеке вспыхивают иногда отрицательные, т. е. грешные эмоции, есть факт. От этого никто не гарантирован, разве что утвердившиеся в добре святые или же бесплотные духи... Представим себе такого человека с данным отрицательным потенциалом, если можно так выразиться... Теперь вспомним, что такое лакмусовая бумажка... она пропитана особым раствором для того, чтобы, будучи погруженной в данную жидкость, определить кислотность (красный цвет) либо щелочность (голубой цвет). Так вот, если вы наш нейтральный эмоциональный «потенциал» сочетаете с отрицательным еврейским элементом, то он проявится в антисемитских тонах; если — с отрицательным немецким элементом — то он окрасится в антигерманские тона, и т. п.

— Но ведь такая автоматическая или рефлективная реакция должна быть приравнена к инстинкту и не может быть оправдана с этической точки зрения!

— Верно, но я предупредил, что речь идет пока о **фактичности**, а не **долженствовании**. Факт есть нечто имеющее место во времени и пространстве и в качестве такового может быть исследован научно, т. е. в категориях связи между причиной и следствием. Когда же мы говорим о **долженствовании**, то мы переходим в область этики, в область императивов внешних или внутренних, гетерономных или автономных, определяющих **наше поведение**.

— Какое же это имеет отношение в нашей теме?

— А вот какое... Так как в мире явлений все относительно, то и рациональная оценка всего поневоле относительна и условна. Вот возьмем, напр., отношение древних евреев к убийству. Мы уже затронули эту тему раньше. Официально одна из заповедей, данная Израилю, гласит категорически: **не убий!** Никто из евре-

ев этой заповеди не ставил под сомнение, не оспаривал ее. А на практике они, как и соседние народы, у которых этой заповеди не было, сплошь да рядом убивали и врагов внешних, и своих собственных преступников, и личных врагов, и соперников, а когда уже не были в состоянии этого делать по государственной немочи, то молились Богу и просили Его **погубить** враждебные Израилю народы. А когда Израиль был еще боеспособен, то от случая к случаю предавал мечу все население покоренных городов, не исключая женщин и детей. Давид охотился на Филистимлян, чтобы принести Саулу, как вено за его dochь Мелхолу — 200 краеобразаний... пророк Илия собственоручно (?) заколол четыреста пятьдесят пророков Бааловых... и таких примеров жестокости, ненависти и жажды уничтожения в истории еврейского народа можно привести множество. Смертная казнь (побиением камнями) была введена в закон в качестве наказания не только за такие серьезные преступления, как убийство, но и за половые проступки (гомосексуализм, скотоложество и т. п.), за неповинование родителям, за злословие против Бога и т. д.

— Но ведь жестокостью отличались не только древние евреи?

— Конечно, не только... все их соседи, римляне, затем в более поздние времена — скандинавы, германские народы, татары, на православном востоке некоторые «христианские» василевсы, на западе — «святая» инквизиция, а в наше время — «вожди»: Ленин, Сталин, Гитлер, Муссолини, Поль-Пот и «вождята» меньшего калибра, им же несть числа.

— Да, с естественной, т. е. зоологической позиции нет основания осуждать кого-либо, что он в борьбе за существование уничтожает себе подобных. Но... **в борьбе за существование**, а не ради прихоти или из-за садизма!

— И можно иметь религию официально весьма высокого ранга или весьма гуманную конституцию, а в жизни все еще пользоваться правом «зубов и когтей», если не хуже...

— Ксенофобия, объективирующаяся в различные «анти-измы», явление природное. Со временем Маркса она, правда, приобрела новый облик и деления вертикальные между нациями заменила делениями горизонтальными, между классами. И теперь, наряду с анти-

семитизмом или антигерманализмом, или антирусизмом процветают антинационализмы, антиклассизмы и антирелигионизмы, простите за варваризмы, к слову привились...

— Правильно сказал Достоевский: если Бога нет, то все дозволено, а потому и все анти...измы одинаково допустимы.

— Однако все «естественные» явления, о которых речь была выше, принимают совершенно иную окраску в свете христианской этики. Христианская этическая норма, можно сказать, не одна из норм, а НОРМА по преимуществу. В этом свете некоторые языческие и даже ветхозаветные «добрести» становятся пороками и, наоборот: то, что считалось постыдным свойством, как напр., уступчивость, мягкость, терпимость, прощение и т. д. — становится добродетелью.

— Но бывает же, что нехристиане поступают похристиански, а христиане, наоборот, ведут себя как язычники?

— Сплошь да рядом. В первом случае — это люди, хотя и не исповедующие христианскую религию, но выросшие в благодатном климате гуманизма, который, в свою очередь, своими корнями уходит в христианство. Какими несовершенными, а то и совсем плохими ни были бы христиане в прошедшем двухтысячелетии, тем не менее, Св. Духу спешащую, человеческие нравы так наз. западной цивилизации смягчались, возникали демократические традиции... Заслугу в этом надо приписать не только официальной Церкви, но и всем тем институциям и институтам, которые возникали в ее климате. Сюда надо отнести и образование, и литературу, и этику, и философию, и даже социологию ...я говорю даже потому, что современная социология или социальная философия «открещивается» (простите за парадокс!) от религии, забывая о том, что сам предмет-то этих наук, ЛИЧНОСТЬ, является продуктом христианского мировоззрения. Существуют ведь растения, не знающие воздействия прямых солнечных лучей, но тем не менее свет, необходимый для их жизни, происходит-то от солнца, не правда ли? Так и с нравами, даже внерелигиозная «западная» гуманность — это плод христианства.

— Вот мы являемся свидетелями, как в коммунистических государствах люди вне церкви нравственно дичают.

— Да что говорить о коммунистических строях, вы посмотрите на то, что делается в Иране **во имя ислама!**

— А как бы вы определили ту этическую норму, какой руководится современный еврей?

— Странный вопрос вы мне задаете! Как будто бы существовал какой-то типичный еврей, репрезентативный в отношении своего целого народа. Я вас спрошу, в свою очередь, какой этикой руководится в наше время католик-ирландец, убивающий ирландца-протестанта, или наоборот? Ведь оба — христиане? Той «этикой», которая для него выше чем та, о которой недавно припоминал ирландцам папа Павел Иоанн II! Явно, что нехристианской!

— В том-то и дело! С евреями дело обстоит так же, как и со всеми иными народностями. Одни живут согласно законам борьбы за существование, другие — руководятся ветхозаветными нормами, а трети — не будучи христианами, по своему **человеколюбию**, практически, руководятся христианским этическим кодом. Все ветхозаветные праведники были по духу христианами до Христа, равно как и такие язычники, как Сократ, называемый «отцом учения о добродетелях», Платон, Аристотель вся школа ранних циников, стоики... всех не перечтешь! Часть евреев принадлежит к этому типу людей. Добро есть добро, независимо от того, совершается оно ради Христа, во имя Христа или в духе Христа... разве что его легче творить, сознавая его «христонаправленность».

— В Ветхом Завете есть много заповедей и советов, дух которых предвосхитил дух новозаветный... особенно в книге Второзакония... несомненно,, и среди евреев есть много таких праведников.

— Еще в детстве я наслушался много рассказов о том, как во время революции и после евреи, положение которых было несколько безопаснее, чем русских «классово-чуждых» элементов, помогали последним, давали им приют, рискуя иногда собственной головой... А как послушаешь какого-нибудь принципиального антисемита, то покажется, что все евреи — шекспировские Шейлоки.

— Я когда-то читал книги польской писательницы Элизы Ожешко, в них она, описывала жизнь маломестечковой бедноты, ведь надо иметь каменное серд-

це, чтобы не проникнуться жалостью и сочувствием к их доле!

— Господа! Мы уклонились несколько в сторону... давайте подведем итоги сказанному!

— Итак, приступим к дефинициям. Марголин, в цитированной уже нами книге «Повесть тысячелетий», предлагает два определения:

«Антисемитизм в узком смысле слова есть вражда к евреям, принимающая разные формы в разные времена и выражаяющаяся в отрицании права на существование европейской культуры, религии, расы и народа» (...) «Антисемитизмом же в самом общем смысле слова можно назвать каждое историческое движение, даже если оно обходится без открыто антисемитской фразеологии. Объективно-антисемитским становится каждое общество или общественный порядок, где евреи, как таковые, начинают «мешать». (Стр. 332).

Я не нахожу эти определения вполне удачными, так как каждое из них может отчасти и по разным причинам оспариваться. Возьмем, напр., первое из них. Оно не обнимает тех людей, которые не имеют ничего против того, чтобы евреи имели право на существование, на свою культуру, религию и национальность, но... на своей территории! Лозунг этих людей: «Жиды — в свою Палестину!». Их всех, однако, евреи назовут антисемитами. Второе определение слишком широкое: в любом государстве, в любом обществе кто-то кому-то «мешает», но не всегда такое «мешание» является причиной возникновения таких эмоций, как антисемитические...

— Ну, а какое определение дали бы вы сами?

— Я лично назвал бы антисемитизмом принципиальный дух вражды и ненависти к евреям, как таковым, независимо от их «способа бытия» и от их личных достоинств или недостатков. А так как дух вражды и ненависти христианам противопоказан вообще... («...любите врагов ваших» Матф. 5, 44), то антисемитизм, как таковой, должен считаться и грехом.

— Но ведь антисемитизм антисемитизму рознь... бывают антисемитизмы этнические, экономические, бытовые, социальные, культурные и даже — религиозные!

— Ну, нет, я не согласен с вами... я бы сказал, что это лишь отдельные области, в которых антисемитизм может возбуждаться и проявляться, а антисемитизм, согласно нашему определению, один, хотя бывают и разные степени его «накала».

— Так и грехи бывают разного «удельного веса». Все явления под одну мерку не подтянешь. Геноцид или, скажем, индивидуальное убийство, это смертный грех; ну, а если я терпеть не могу моего нахального соседа-еврея, так это, по-моему, неприятное житейское обстоятельство, а не сразу уже — греховный антисемитизм!

— Мы сказали, что антисемитизм, с точки зрения христианской религии, грех; а в чем же, в таком случае, выражается религиозный антисемитизм?

— Это парадоксальное явление трудно определить... вот, если вы мне позволите нарушить правило нашей сегодняшней беседы и процитировать русского мыслителя, тогда вам станет это более понятным.

— Просим, просим!

— Вот... у меня есть вырезка из «Русской Мысли», ...да, дореволюционной, а не теперешней, парижской:

«Еврейство соблазн для христиан — и судьба его — безумие для рассудка. До конца истории не разрешится еврейский вопрос, евреи никогда не ассилируются, никогда не будут иметь родины и не будут счастливы, будут грозной силой среди других народов. Еврейский народ ждал и ждет донные мессию, царя земного, устроителя земного блаженства. Во имя устроителя земного блаженства отверг еврейский народ Мессию — Христа, сына Божьего и распял Христа. Отвержение Христа Распятого есть отвержение еврейское. Еврейство учит другие народы отвергать Христа, потому что Он не водворил блаженного царства на земле. И народы соблазняются еврейским хилиазмом и еврейским ожиданием иного Мессии, который даст людям то, чего не дал Тот Мессия. Не даром духу еврейства так близка социал-демократия, которая есть лишь модернизированная трансформация еврейского хилиазма — земного царя и земного блаженства без искупительной жертвы. Еврейство неистребимо, оно остается осью истории. Оно не может слиться с другими народами, не может раствориться в них. Сила самосохранения еврейства необычайна. Евреи — огромная сила среди народов, в их руках сосредоточены огромные материальные богатства, им присуща исключительная цепкость к жизни, духовная выносливость и энергия, побеждающая все гонения и притеснения. Тем не менее, еврей никогда не узнает счастья и радости, будет скитальцем до конца веков. Христианин должен признать, что еврейский вопрос неразрешим до конца веков. Еврейство никогда не будет иметь своего царства, своей земли, всегда будет нелюбимо другими народами и антисемитизм никогда не будет вполне преодолен. Конечно, прекратятся погромы, исчезнут политические ограничения прав евреев, но от этого еврейский вопрос станет лишь еще более трагическим и углубится. Нужно понять, что если для христианина невозможен расовый, бытовой и политический антисемитизм, то для всякого христианина обязательен антисемитизм религиозный, религиозное сопротивление

идее еврейства, еврейскому хилиастическому ожиданию иного мессии. Ненависть к евреям расовая, бытовая, политическая недопустима для христианина, но возможна религиозная ненависть к антихристовой идее еврейства и в глубочайшем смысле этого слова — она неизбежна. Еврейство есть вечный соблазн для христианского мира, великая трагедия для христиан. Русский народ должен дать приют избранному народу Божьему и русский же народ должен всей силой своего духа противиться антихристианской идее еврейства, еврейскому отвержению Мессии Распятого и еврейскому ожиданию иного мессии».

— Кто это написал?

— ???

— Я знаю, это слова Бердяева!

— Верно! Согласны вы с ним?

— Ну, знаете, здесь затронуто столько тем... с одними взглядами Бердяева я согласен, с другими нет, третий требуют оговорок...

— Думаю, что доживи он до наших дней, многого он бы уже не сказал из того, что говорил более полу века тому назад. Интеллектуально-психологический климат уже не тот, что был в конце прошлого и в начале этого столетия... Некоторые пророчества Бердяева, как мы это видим уже сегодня, не исполнились. Правда, еврейский вопрос все еще будоражит мировое общественное мнение... можно смело сказать, вернее — повторить уже сказанное, что никто так не повлиял на историю нашей цивилизации, как два еврея: Иисус Назарянин и Карл Маркс, только что их влияние диаметрально противоположное... Человечеству на его пути к богочеловечеству нельзя не пройти через два горнила, через два испытания: положительное — христианство, и отрицательное — марксизм!

— Что меня поразило, так это факт, что Бердяев — гуманист, либерал, вольнодум, фило-марксист и фило-социалист, ибо таким он себя представил в различные периоды своей жизни, не избежал средневекового искушения религиозного антисемитизма...

— Да, парадоксальность некоторых взглядов Бердяева и непоследовательность — поразительны. Нам теперь совсем непонятно, почему добродетельному христианину обязательно быть религиозным антисемитом? От него ведь христиане в прошлом лучшими не становились. Вместо того, чтобы распаляться эмоциями, столь сходными с инквизиционным фанатизмом, лучше использовать религиозную энергию, если можно так выразиться — внутри себя, где у каждого остает

ся так много сделать...

— Не сказано ли: «Врачу, исцелися сам!»?

— И еще — ненавидя грех, надо... любить грешников, не зато, что они грешат, а за то, что в них погибает искра Божья... это любовь не одобрения, а любовь сострадания... Если надо прощать врагов, то надо прощать и грешников!

— В личном порядке, конечно, но не будучи на службе, или на должности судьи, ха! ха! ха!

— Конечно, конечно! но прощать врагов-то легче, а как любить их?

— Иисус Христос давал задачи дальнего, так сказать, прицела... устремление к ним обеспечивает правильную установку, а остальное — дело кропотливой практики... «Будьте совершенны как Отец ваш небесный!» — слова эти свидетельствуют о том, что предел совершенствования — его беспредельность! Мы не можем избежать того, что по тем или иным причинам в нас вспыхивают злые эмоции, однако мы можем стараться не давать им хода. Пресекая их каждый раз, как только они возникают, мы можем достигать того, что вспыхивать-то они будут реже и слабее... Если я осознаю, что еврея нельзя ненавидеть только потому, что он — еврей; если я еврею, который мне антипатичен, не желаю зла, но только хотел бы его видеть лучшим; если я считаю, что еврейский народ, как и каждый народ, имеет право иметь свое собственное государство и т. д., то я, в моем разумении, не грешу антисемитизмом. А то, что я люблю евреев больше или меньше, скажем, итальянцев или англичан, то это — дело вкуса и личных симпатий, жизненных обстоятельств.

— Ну, а каково ваше личное отношение к этому предмету?

— Гм... его трудно определить: я одновременно и антисемит, и асемит, и филосемит!

— ?????

— К евреям моего времени, таким как, скажем, вышеупомянутые Бенда, Гробман и им подобным «антируситам» — я отношусь «антисемитически»; относительно всего еврейского народа я занимаю нейтральную позицию и желаю ему успеха в его государстве — Израиле, к любому преследованию где-либо отношусь отрицательно; ну, а в отношении таких евреев, как авторы книги «Россия и евреи», как знакомые мне «по печати» Агурский, Рутман, Коржавин, Свирский, Све-

тов и иже с ними — я — филосемит!

— Вот и договорились! Однако — пора кончать нашу затянувшуюся беседу! Предвосхищая именно такой её результат, я заготовил и соответственную диалектическую формулу:

тезис — «семитизм»;

антитезис — антисемитизм;

катализис — «антитантисемитизм»;

анасинтезис — «Во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (Гал. 5,6). Ибо в Нем «нет ни Эллина, ни Иudeя, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Колос. 3,11).

— Ну, под такой формулировкой подписываюсь и я!

Игумен Геннадий (ЭЙКАЛОВИЧ).

Примечания:

- 1) «Джерузалем Пост Магазин», 10/XI. 1972 и 3/III. 1973.
- 2) «Новый Журнал», №р. 117, 1974. «Кольцо обид».
- 3) «Джерузалем Пост Магазин», 13/IV. 1973; 14/IX. 1973 и «Посев» №р. XI, 1973.
- 4) «Время и мы», №р. IV, 1976. «Факты или селекция образов», стр. 122, 133.
- 5) Цит. С. Познер, «Еврейский мир», 1934.
- 6) Р. Рутман, «Уходящему — поклон, остающемуся — братство», «Новый Журнал», №р. 112, 1973, стр. 285.
- 7) «Русская Мысль», под ред. П. Б. Струве, февраль, 1912.
- 8) Н. Бердяев, «Философия неравенства», Имка-Пресс, 1970 (переизд. с изд. «Обелиск», Берлин, 1923, стр. 78).
- 9) Ю. Марголин, «Повесть тысячелетий», Тель-Авив, 1973 г., стр. 372.
- 10) Цит. по книге А. Дикого, «Евреи в России и в СССР», Нью-Йорк, 1967, ч. 2-я, стр. 31.
- 11) Давид Бург, «Еврейский вопрос в Советском Союзе», «Антикоммунист», №р. 12, 1957.
- 12) «Время и мы», №р. 4, 1976, стр. 97.
- 13) Там же, стр. 117.
- 14) Цит. соч. стр. 176, 177.
- 15) «Вестник Р.Х.Д.», №р. 108-110, 1973, стр. 60.
- 16) Там же.
- 17) «Вестник Р.Х.Д.», №р. 106, 1972, стр. 46 — 56.
- 18) «Еврейский Рабочий», Москва, 1926, стр. 236.
«Юдише Галутвиртшафт», — Прага, 1934-1935 г.
См. также «Вестник Института по изучению СССР», Октябрь-Декабрь 1959, Мюнхен.
- 19) Е. Валин, «В какой мере — „русский коммунизм“, — не русский», «Новый Журнал», №р. 127, 1977, стр. 280.

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «ГЛОБУС»

GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.